

9-го августа.

Англичанамъ удалось высадиться къ сѣверу отъ Габа-Тепе въ Сувлахъ.

Седьмого августа въ полевомъ госпиталѣ разорвался снарядъ. Два врача убиты, третій раненъ.

У насъ произошелъ слѣдующій случай: солдатъ Сенегалецъ неся на головѣ мѣшокъ съ гранатами. Въ это время ему въ голову попадаетъ турецкая пуля. Страшный взрывъ. Бѣднякъ разорванъ пополамъ, рядомъ съ нимъ убитъ другой. Множество раненыхъ.

22-го августа.

Новаго ничего. Со скуки сами выдумываютъ новости. Такъ говорили, что у Кале произошла большая морская битва.

26-го августа.

Погода портится. Небо темнѣетъ. Становится холодно. Готовимъ зимнія квартиры.

13-го сентября.

Турки воспользовались затишьемъ, чтобы вырыть сапы. Немедленно принимаемъ мѣры и также работаемъ подъ землей. Скоро встрѣтимся тамъ съ непріателемъ.

Эски Гисарликъ. 21-го сентября.

Восемнадцатаго сентября и вчера надъ нами летать блиндиرو-ванный нѣмецкій аэропланъ. Сбросилъ нѣсколько бомбъ, упавшихъ недалеко отъ насъ.

28-го сентября.

Вчера въ семь часовъ вечера шумъ, крики. Неужели штыковая атака? Или паника? Нѣтъ, не похоже ни на то, ни на другое. Въ чемъ же дѣло? Вдругъ со всѣхъ сторонъ стрѣльба. Мало-помалу все успокаивается.

Въ девять часовъ вечера узнаю, что все это произошло по приказанію сэра Гамильтона, пожелавшаго ознаменовать криками «ура» и залпами побѣды французовъ и англичанъ во Франціи.

1-го октября.

По всей вѣроятности сегодня ночью французская дивизія покинетъ Галипольскій полуостровъ. Куда она направится неизвѣстно. Предполагаемъ, что въ Салонки.

Переводъ Б. М.

ПРУССКІЕ ПРОТИВНИКИ НАПОЛЕОНА.

Блюхеръ—Шарнгорсть—Гнейзенау.

(Продолженіе). *)

Шарнгорсть, который не подалъ никакого полезнаго совѣта по поводу диспозиціи, предоставивъ управленіе боемъ Виттгенштейну и царю, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, обнажить шпагу. Онъ бросился въ толпу съ крикомъ: «да здравствуетъ король! Въ началѣ боя подъ нимъ убило лошадь. Около 7-ми часовъ вечера, немного позднѣе того, какъ Кайя, Рана и Гроссгөршенъ были окончательно потеряны, въ заключительной отчаянной атакѣ Шарнгорсть получилъ пулевую рану немного ниже колѣна и оставилъ поле боя, поддерживаемый своимъ сыномъ Августомъ. Пуля была извлечена на другой день утромъ. Рана, незначительная по виѣшнему виду, оказалась смертельной.

Вечеромъ, въ день боя, Шарнгорсть писалъ своей дочери Юліи, что это былъ печальный день, что Виттгенштейнъ не умѣетъ управлять боемъ; о Блюхерѣ же онъ писалъ: «Мой старый Блюхеръ полонъ мужества, но я долженъ помогать всюду, ибо онъ ничего не понимаетъ въ управленіи арміей; но за то всегда увлекаетъ за собою войска.

Шарнгорсть 4-го мая былъ въ Дрезденѣ. Здѣсь онъ нашелъ

*) См. «Военный Сборникъ» № 3.

время и необходимый душевный покой, чтобы написать предисловіе къ третьему тому «Handbuch der Artillerie», первыя двѣ части котораго, какъ мы уже говорили, были выпущены въ 1804 и 1806 гг.

Убѣжденный, что безъ помощи Австріи нельзя добиться никакого успѣха, онъ просилъ у короля милости быть облеченнымъ дипломатической миссіей въ Вѣну. Во время путешествія, его рана увеличилась, что принудило его, истощеннаго лихорадкой, вернуться въ Циттау.

Его письма оттуда представляются особенно трогательными; обезсиленный лихорадкой и нетерпѣніемъ, онъ даетъ свободу своимъ желаніямъ и гордости. Обыкновенно осторожный и вдумчивый, онъ ожесточенъ, бунтуетъ и стремится въ послѣднюю минуту высказать то, что въ теченіе долгихъ лѣтъ хранилось въ глубинѣ его души: вылечившись отъ раны, не буду жить также бездѣятельно въ эту минуту, когда рѣшается судьба Германіи; получить бы только на одинъ единственный день командованіе арміей! Знаки отличія? Честь? Къ чему? Единственная возможность не быть несправедливымъ къ нему, это дать ему командованіе арміей: «Alle Orden und mein Liebe gäbe ich für das Kommands eines Tages!» (письмо отъ 25-го мая).

Уже достигнувъ Цнайма, онъ воротился въ Прагу для переговоровъ съ Шварценбергомъ. Рана разболѣлась и въ Прагѣ онъ былъ подвергнутъ ряду неудачныхъ операцій. Однако, онъ не терялъ надежды до самаго послѣдняго момента и до послѣдней минуты любовь смущала его очень чувствительную душу. Онъ увлекся лѣтомъ 1812 г. скромной дѣвицей Фредерикой Гензель и ей адресовалъ нѣкоторыя свои послѣднія думы.

Умеръ Шарнгорстъ 28-го іюня 1813 г. Прага ему устроила пышныя похороны. Останки его были перевезены въ Берлинъ на кладбище инвалидовъ. Надъ могилой воздвигнутъ извѣстный памятникъ, построенный по проекту Шинкеля.

Лучшія страницы для характеристики Шарнгорста написаны, безъ сомнѣнія, Клаузевицемъ, его ученикомъ и другомъ столь же близкимъ, какъ и преданнымъ (Gf. Ranke's Historisch-politische Zeitschrift, 1832). Клаузевицъ превозноситъ его кротость, скромность, требовательность къ самому себѣ, ясность его мыслей и твердость, его суровый, склонный къ созерцанію, эмпиризмъ.

Но Шарнгорстъ былъ фигурой менѣе удивительной чѣмъ самъ Клаузевицъ; онъ не очень великодушенъ, не слишкомъ провинца-

теленъ, не очень глубокий философъ. Шарнгорстъ не обладалъ суровой рѣшительностью, не имѣлъ того внутренняго пожирающаго огня, той сосредоточенной страсти, той смертельной тоски, которая дѣлаетъ жизнь Клаузевица столь трагичной и личность его настолько интересной.

Шарнгорстъ гораздо менѣе страдаетъ отъ бѣдствій Пруссіи. Онъ не обладаетъ непобѣдимымъ мужествомъ Клаузевица и пишетъ ему, въ странныхъ для учителя выраженіяхъ: «Я принимаю и раздѣляю ваше мнѣніе, вы дали мнѣ необходимое мужество чтобы не отречься отъ своихъ принциповъ» (27-го ноября 1807 г.).

Шарнгорстъ трудолюбивъ, но мелоченъ и его идеи мало оригинальны. Его благоразуміе, учительскій тонъ, буржуазная простота права и его манера обхожденія не возбуждали къ нему симпатій съ перваго взгляда; онъ не имѣлъ престижа и былъ цѣнимъ лишь своими близкими. Однако, онъ заслуживаетъ наше удивленіе своею прямоотой, склонностью къ размышленію, настойчивостью, своими знаніями и просвѣщеннымъ умомъ.

И надо удивляться, какъ въ немъ согласовалась реформаторская дѣятельность съ правильной оцѣнкой дѣйствительности и практичности реформъ; онъ не обгонялъ своего времени. Безусловно, безъ него военные прусскіе законы 1814 и 1815 гг. врядъ ли увидѣли бы свѣтъ. Безъ его военной школы, прусской арміи не доставало бы знаній. Наконецъ, онъ освѣтилъ нѣсколько простыхъ идей, вѣчно правильныхъ, и между ними ту, что если война и познается, главнымъ образомъ, на войнѣ, то, съ другой стороны, этому же, отчасти, способствуетъ изученіе исторіи войны, размышленіе надъ примѣрами, оставленными намъ великими полководцами, но во всякомъ случаѣ не руководствомъ разъ навсегда принятыхъ неизмѣнныхъ принциповъ. Только исторія даетъ истинное образованіе офицеру, дѣлая его благоразумнымъ и рѣшительнымъ. Небу было угодно, чтобы французскіе офицеры забыли эти простыя истины въ промежутокъ времени между 1815 и 1870 гг. Они могли, также какъ нѣмцы, выяснить основныя идеи наполеоновскихъ кампаній, переработать теоріи великихъ войнъ и этимъ спасти наши арміи у Верта и Спихерна. Можетъ быть и правы тѣ, кто говоритъ, что насъ побѣдилъ нѣмецкій школьный учитель, но еще вѣрнѣе считать, что побѣдилъ нѣмецкій профессоръ военной исторіи, побѣдилъ Шарнгорстъ и научныя дисциплины Клаузевица. Неспособные къ дѣлу и мысли люди нелѣпо осмѣиваютъ историческія труды этихъ двухъ превосходныхъ умовъ, думая, что

война возможна безъ теоріи; они готовятъ Франціи новое несчастіе.

V.

Гнейзенау (1750—1813).

Слѣдуетъ здѣсь же сначала отмѣтить важную подробность: Гнейзенау нѣмецъ юга. Это намъ, въ значительной степени, объяснить его темпераментъ, богатство натуры, удачу, легкомысліе и непосредственность, почти неизвѣстные пруссаку. Другая важная черта—онъ былъ сыномъ своего вѣка и, если бы обычно не влагали въ это слово опредѣленный смыслъ, мы бы сказали, что онъ былъ авантюристъ.

Во всякомъ случаѣ первые шаги его жизни, мало, впрочемъ, извѣстные, настоящій романъ авантюриста. Его мать была дочерью подполковника по фамиліи Мюллера. Мюллеръ былъ католикъ и жилъ въ Вюрцбургѣ. Однажды, въ его семью пріѣхалъ нѣкій Нейтгардъ, протестантъ, безъ всякаго состоянія, настоящій искатель приключеній. Онъ женился на дочери хозяина дома и родители не особенно противились этому браку. Неизвѣстно, кѣмъ онъ былъ въ моментъ женитьбы,—учителемъ? офицеромъ? Во всякомъ случаѣ онъ принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ въ качествѣ лейтенанта имперской арміи. Жена его ему сопутствовала и 27-го октября 1760 г. на Шильдѣ около Торгая въ Саксоніи разрѣшилась отъ бремени сыномъ, получившимъ при крещеніи имя Антуанъ. Это и былъ будущій герой Кольберга и Плансенуа.

Нѣсколько дней спустя, Фридрихъ II прибылъ лично въ Торпай; всѣ бѣжали передъ его приходомъ и въ томъ числѣ молодая мать съ новорожденнымъ. Она ѣхала въ каретѣ съ младенцемъ на рукахъ; отъ усталости съ ней сдѣлался обморокъ и ребенокъ выпалъ изъ кареты на землю. Онъ безъ сомнѣнія былъ бы раздавленъ колесами обоза, если бы одинъ гренадеръ не поднялъ его и не взялъ на руки до слѣдующаго утра, когда вернулъ его матери. Она, впрочемъ, черезъ нѣсколько дней умерла отъ переутомленія.

Ребенокъ попалъ къ женѣ какого то солдата и въ теченіе двухъ лѣтъ, пока продолжалась война, жилъ въ обозѣ арміи.

Его отецъ женился вторично, имѣлъ другихъ дѣтей и прозябалъ въ бѣдности и неизвѣстности въ Тюрингіи. Маленькій Антошій былъ заброшенъ и посѣщалъ бѣдную школу, куда принужденъ былъ ходить босымъ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что его настоящее имя, записанное въ приходѣ Шильда не Гнейзенау, а Нейтгардъ. Въ началѣ своей военной карьеры, принужденный искать предковъ, онъ открылъ, что фамилія его отца происходитъ изъ Австріи, изъ замка по имени Гнейзенау и взялъ это имя.

Наконецъ его дѣдушка и бабушка со стороны матери узнали о тѣхъ лишеніяхъ, въ которыхъ онъ жилъ въ Тюрингіи, взяли его къ себѣ въ Вюрцбургъ и дали ему хорошее образованіе.

Въ 12 лѣтъ это былъ живой мальчикъ, обладающій пылкимъ воображеніемъ. Слѣдя глазами за водами Майнца у подножья Лейстенберга, онъ грезилъ, какъ признавался впоследствии самъ, объ Америкѣ и Индіи, воображая себя то колонистомъ, то участникомъ боя, то основателемъ городовъ. Между другими книгами, онъ прочелъ въ эту эпоху Илиаду и Одиссею, пробудившія въ немъ страсть, и исторически доказано, что позднѣе онъ напоминалъ героевъ Гомера наивностью, искренностью и простотою.

Этотъ періодъ былъ просвѣтомъ въ его существованіи.

Въ 1773 г., послѣ смерти дѣдушки и бабушки, онъ былъ принужденъ вернуться къ своему отцу въ Эрфуртъ и для него снова началась тяжелая жизнь. По счастью, онъ могъ посѣщать гимназію и брать уроки у отличнаго преподавателя, профессора Зиглинга, съ сыномъ котораго былъ друженъ. Эти дружескія отношенія продолжались до старости.

Цѣлыми днями онъ бродилъ съ молодымъ Зиглингомъ въ окрестностяхъ Эрфурта, вспоминая съ удовольствіемъ въ своихъ запискахъ объ этихъ прогулкахъ.

Въ 1777 г. Гнейзенау внесенъ въ списки Эрфуртскаго университета, гдѣ онъ изучалъ математику и административныя дѣла.

Это былъ очень веселый студентъ; забѣлка и влюбчивый, онъ отдавалъ дань своему темпераменту, ища чувственныхъ наслажденій. Однако потребность въ гармонической культурѣ духа, стремленіе къ блестящей жизни, великодушіе, благородство, и, наконецъ, родъ инстинкта мѣшалъ Гнейзенау, также какъ и Гете, совершенно опуститься.

Въ 1778 г. онъ покинулъ Эрфуртъ. Оставшись безъ родителей и безъ поддержки, онъ сдѣлался солдатомъ, сначала въ Австріи, гдѣ прослужилъ годъ. Затѣмъ, узнавъ вѣроятно, что маркграфъ д'Ансбахъ нанимаетъ въ Англіи войска для войны съ Америкой, онъ поступилъ на службу къ маркграфу въ качествѣ кадета и вскорѣ былъ произведенъ въ лейтенанты. Въ 1782 г. онъ отпра-

вился съ транспортомъ войскъ и высадился въ Галифаксъ, но война была кончена (капитуляція въ Йорктоунѣ въ октябрѣ 1781 г.) Гнейзенау вернулся къ д'Ансбаху по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Это поступленіе на службу къ маркграфу для войны съ Америкой показываетъ, что Гнейзенау въ эту эпоху не отличался филантропіей, ибо въ исторіи XIX столѣтія мало найдется болѣе унизительныхъ поступковъ, какъ этотъ торгъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ князей своими солдатами, которыхъ они продавали въ Англію какъ скоть (30 кронъ за доставленнаго солдата, 30 кронъ за убитаго или пропавшаго вѣсти и 10 кронъ за раненаго; cf. Geisler Geschichte und Zustand der Grosbritannischen Kriegsmacht, Dessau 1784).

Какую пользу извлекъ Гнейзенау изъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ Америкѣ? Конечно, онъ удержалъ въ памяти то, что слышалъ о методахъ новой войны, освоился съ новой тактикой, убѣдился въ необходимости легкихъ войскъ и стрѣлковъ и познакомился съ качествами національной арміи Вашингтона.

Гнейзенау провелъ въ Ансбахѣ и Байретѣ еще два года, развлекаясь любовными похождениями. Обольщенный престижемъ прусской арміи, онъ написалъ въ концѣ 1785 г. Фридриху II и ѣздилъ въ Потсдамъ. Великій король далъ ему чинъ лейтенанта и назначилъ въ Силезію, въ гарнизонъ Ловенберга. Здѣсь Гнейзенау провелъ почти 10 лѣтъ.

Жизнь была очень монотонной, но Гнейзенау коротко сошелся съ богатыми мѣстными помѣщиками, особенно съ господиномъ Хохбергомъ, человѣкомъ очень культурнымъ, который предоставилъ въ его распоряженіе свою бібліотеку.

Гнейзенау веселый любезный собесѣдникъ, искусно владѣющій карандашемъ, немного музыкантъ, немного пѣвецъ, при случаѣ поэтъ, былъ всюду принимаемъ съ распростертыми объятіями. Кондитеръ Бернеръ, у котораго онъ квартировалъ, любилъ впоследствии рассказывать, что лейтенантъ Гнейзенау, когда ему не на что было потребовать ежедневную бутылку пива, ложился въ постель и не принималъ никого.

Въ 1794 г. мы видимъ Гнейзенау въ Польшѣ, гдѣ его баталіонъ впрочемъ больше боролся съ эпидеміями, чѣмъ съ поляками. Въ 1795 г. онъ назначенъ командиромъ роты въ стрѣлковомъ баталіонѣ въ Жауерѣ. Въ слѣдующемъ году онъ женился, при довольно необыкновенныхъ обстоятельствахъ. Одинъ офицеръ былъ

убить на дуэли и Гнейзенау было поручено сообщить эту печальную новость его невѣстѣ. Онъ такъ краснорѣчиво ее утѣшалъ, что тутъ же сдѣлалъ предложеніе и женился. Эта Каролина фонъ Котвиць принесла ему 7 человѣкъ дѣтей.

Какъ командиръ роты, приносившей доходъ въ 2—3 тысячи талеровъ, Гнейзенау жилъ безъ матеріальныхъ лишеній. Однако онъ искалъ средствъ для увеличенія своего бюджета и занялся эксплуатаціей земли въ Mittel-Kauffung, расположенной близъ Жауера. Здѣсь былъ устроенъ заводъ для добыванія спирта изъ картофеля. Впрочемъ, Гнейзенау, оказавшійся болѣе смѣлымъ, чѣмъ искуснымъ хозяиномъ, не былъ счастливъ въ своихъ агрономическихъ попыткахъ.

Въ то же время онъ усиленно продолжалъ посѣщать общество, и мы знаемъ, на примѣръ, что онъ разъ руководилъ постановкой пьесы «Лагерь Валленштейна». Затѣмъ, онъ усиленно занимался чтеніемъ военной литературы, дѣлая попутно отмѣтки. Его эрудиція по фортификаціи принесла ему впоследствии большую пользу въ Кольбергѣ. Онъ занимался также французскимъ языкомъ, на которомъ довольно хорошо писалъ и изучалъ самостоятельно англійскій и итальянскій языки. Видимо, ему не хватало творчества. Былъ ли онъ счастливъ? По внѣшности, да; въ глубинѣ же души, не находя примѣненія всѣмъ своимъ знаніямъ, онъ страдалъ отъ неудовлетвореннаго самолюбія; это было безпокойство, съ которымъ знакомы наиболѣе одаренныя натуры. «Я страдаю, пишетъ онъ своей женѣ въ 1801 г., болѣзнию, которую мало постигаютъ люди, точнѣе сказать недовольствомъ самимъ собою».

Въ октябрѣ 1806 г., капитанъ Гнейзенау принималъ участіе въ сраженіи у Саафельда, гдѣ былъ раненъ. У Йены случай свелъ его съ Ричелемъ; въ бѣгствѣ онъ присоединился къ начальнику штаба Гогенлоэ, избѣжавъ, по счастливой случайности, капитуляцію у Пренцлау.

Въ письмѣ отъ 31-го марта 1807 г. онъ описываетъ своему другу всѣ эти происшествія; онъ говоритъ, что предпочелъ бы лучше тысячу разъ умереть, чѣмъ быть свидѣтелемъ такого пораженія. Однако, онъ не теряетъ мужества. Съ откровеннымъ стоицизмомъ смѣлаго солдата, всѣмъ рискующаго, онъ признается, что не могъ заставить себя въ Йенѣ стоять лицомъ къ непріятелю, онъ «удиралъ вмѣстѣ съ другими въ хорошемъ обществѣ, среди принцевъ». Далѣе, онъ говоритъ, что въ Жауерѣ хотѣлъ разбогатѣть, а теперь сталъ бѣденъ, какъ нищій, но, добавляетъ онъ, «отъ пер-

ваго до второго положенія разнища не такъ велика, если смотрѣть съ точки зрѣнія вѣчности, наиболѣе правильной, потому что другой у меня нѣтъ».

Но это не флегма. Нѣтъ сомнѣнй, что отъ природы его сильная и горячая натура была обуреваема жаждою мщенія, доказательства чего онъ намъ даетъ впоследствии.

Въ Кенигсбергѣ, гдѣ въ концѣ 1806 г. мы видимъ Гнейзенау въ попошенномъ платьѣ, праздно разгуливающимъ по улицамъ, онъ редактируетъ *Denkschrift über den Krieg 1806 г.*, гдѣ резюмируетъ, сжатымъ и нервнымъ слогомъ, причины пораженія: неспособность начальниковъ, ссоры, отвыкшая отъ войны армія, упражняющаяся лишь въ парадахъ, корыстолюбіе, загроможденіе арміи состарившимися солдатами, обремененными семьей, невѣжество офицеровъ, незнакомыхъ съ иностранными военными идеями, не бывшихъ въ курсѣ дѣла, пристрастныхъ и высокоумѣрныхъ, наконецъ, общей трусостью, такъ какъ «идея умереть со славою считается экзальтаціей».

Произведенный въ маіоры, онъ, по предложенію Рючеля, оцѣнившего его прекрасное поведеніе у Иены, командированъ въ декабрѣ 1806 г. въ Алексотень, близъ русской границы, дабы организовать нѣкоторое число резервныхъ баталіоновъ, для продолженія войны. Въ мартѣ 1807 г. эти рекруты были достаточно подготовлены для использованія въ крѣпостяхъ и Гнейзенау привелъ два баталіона въ Данцигъ. Но въ серединѣ апрѣля, благодаря новому вниманію Рючеля, онъ назначается комендантомъ Кольберга. Ему удалось, подъ градомъ снарядовъ, выйти на корабляхъ изъ Данцига и высадиться въ Кольбергѣ 29-го апрѣля.

Обороной Кольберга началась удачная карьера Гнейзенау. Предшествующій комендантъ, полковникъ Люкаду, отозванный королемъ изъ-за неспособности, успѣлъ, однако, увеличить гарнизонъ съ 1.000 до 6.000 человекъ. Впрочемъ, этому сильно помогла пропаганда энергичнаго, горячаго патріота стараго Нетельбека, пивовара по профессіи.

Особенно облегчало оборону Кольберга рѣка Персанъ, оборуванная плотинами, позволяющими наводнять окружающіе городъ луга. Къ несчастью, къ оборонительной позиціи принадлежалъ ни одинъ Кольбергъ, но и его портъ, расположенный въ двухъ километрахъ и укрѣпленный очень посредственно. Пушки были въ небольшомъ количествѣ очень старыя и плохія: многія были съ трещинами. Правда, изъ Англій прибыла матеріальная часть артиллеріи.

Съ самаго начала, Гнейзенау умѣлъ всѣхъ подчинить своей волѣ. Торжественно явившись къ гарнизону на другой день послѣ своего приѣзда, онъ обратился къ нему съ рѣчью, вызвавшей слезы на глазахъ у многихъ старыхъ солдатъ; въ ней онъ высказалъ свои соображенія относительно вѣроятнаго хода обороны. Съ подобной же рѣчью онъ обратился и къ представителямъ города.

Онъ прибылъ съ намѣреніемъ вести активныя операціи. Сохранились краткія записки, написанныя его рукою, датированныя годами, когда онъ былъ лейтенантомъ и капитаномъ и озаглавленные: *Осада Валансена; 1793 г.*, въ которыхъ онъ сурово критикуетъ бездѣятельность французскаго коменданта, предпочевшаго принципамъ Монталамбера, устройство впереди ретраншементовъ ряда опорныхъ точекъ, для охраны апрошей и этимъ ограничившагося при оборонѣ крѣпости. Прилагая принципы активной обороны, онъ долженъ былъ укрѣпить маленькія высоты, расположенныя въ 1.800 шагахъ къ востоку отъ города и носившія названіе Вольфебергъ. Слѣдовало построить редутъ и нѣсколько блокгаузовъ, которые удерживали бы атакующаго въ теченіе долгихъ дней.

Въ тотъ, именно, день, когда Гнейзенау вступилъ въ должность коменданта, Наполеонъ приказалъ дивизіи Луазона корпусу Мортъе, обложить крѣпость, атакуемую, до тѣхъ поръ, незначительными силами. Гнейзенау оборонялся въ теченіе 9 недѣль, потерявъ 2.000 человекъ и вывелъ изъ непріятельскаго строя 5.000 человекъ убитыми и ранеными.

Послѣ полудня, 2-го іюля французскія батареи внезапно прекратили огонь и вывѣсили бѣлый флагъ; офицеръ принесъ извѣстіе о перемиріи. Гнейзенау не выказалъ особенной радости. Въ присутствіи генерала Луазона, говоритъ свидѣтель, онъ, простой маіоръ «держался съ достоинствомъ, холодностью и гордостью, какъ король».

Бомбардировка послѣднихъ дней разрушила половину города; Гнейзенау сурово требовалъ отъ горожанъ необходимыхъ жертвъ. 4-го августа онъ покинулъ Кольбергъ въ чинѣ подполковника.

Затѣмъ, послѣдовательно, мы его видимъ въ Мемель и Кенигсбергѣ, какъ члена *Militärreorganisations-kommission* и *Untersuchungskommission*. Однако, онъ почти тотчасъ же предложилъ королю свою отставку (январь 1808 г.), не имѣя силы скрыть своего негодованія передъ трусостью, упрямствомъ и ограничен-

ностью душъ феодальной камарилы. Но король отставки не принялъ, объявивъ реформаторамъ свое благоволеніе. Тѣмъ болѣе Гнейзенау не было причинъ покладать комиссіи реорганизации, что Борстель и Брониковскій, противники Шарнгорста, были замѣнены Гётценомъ и Бойеномъ.

Борьба между противниками и сторонниками реформъ велась не смотря ни на что, и кажется—сколько ни стараются нынѣ наши сосѣди не видѣть нравственнаго упадка въ Пруссіи того времени—по рассказамъ нѣкоторыхъ, вокругъ преобразователей арміи образовалась шайка, приводившая Гнейзенау въ иступленіе. Распространилось ругательство противъ «гниусной орды», трусость и корыстолюбіе которой стремится сдѣлать изъ Пруссіи союзницу Франціи, чтобы получить отъ императора хорошія мѣста и вознагражденіе. «Смѣшно, писалъ онъ 6-го мая 1808 г., это то что видя средства для спасенія насъ отъ смерти, нельзя его назвать, чтобы не вызвать противъ себя злобы тысячъ. Одинаковой эгоизмъ царствуетъ въ сердцахъ гражданъ и военныхъ и каждый считаетъ свое положеніе, какъ кивотъ завѣта, который не должна коснуться никакая нечестивая рука. Молодые офицеры только и мечтаютъ сохранить свои доходы, чтобы щегольски одѣться и вести праздную жизнь; они имѣютъ напыщенный видъ, говорятъ высокимъ слогомъ и презираютъ остальныхъ смертныхъ; царствуетъ невѣжество и пристрастіе; только война, суровая война, съ своими послѣдствіями и лишеніями можетъ переродить этихъ людей».

Что касается до общихъ идей, то Гнейзенау былъ (или пришелъ) въ полномъ согласіи съ Штейномъ и Шарнгорстомъ. Точно также какъ и они, онъ не былъ демократомъ во французскомъ смыслѣ слова; по традиціямъ онъ остался послѣдователемъ Фридриха и пруссакомъ, подчиняющимъ личность государству. Суверенъ только государство, но не индивидуумъ, который самъ по себѣ часто бываетъ невѣжественнымъ и коснымъ. Во имя общихъ интересовъ, надо побуждать и даже принуждать гражданъ активно служить государству. Государствомъ жалуются права, палагающія обязанности, такимъ образомъ оно укрѣпляется. Въ этой схемѣ спасеніе и величіе государства, которому, прежде всего, нужны работники, и сотрудники въ этой работѣ находятъ свое счастье и обнаруживаютъ всѣ лучшія качества души и сердца. Государство требуетъ помощи, находя ее въ народѣ и должно ею пользоваться. Въ новой военной системѣ находимъ, между прочимъ, то, что нынѣ называется государственнымъ социализмомъ. Слѣдуетъ, пи-

сать Гнейзенау, чтобы весь народъ былъ проникнутъ военнымъ духомъ и плѣнялся войной, надо превратить нѣкоторыя военныя упражненія въ настоящій военный праздникъ, подобно олимпійскимъ играмъ. Не слѣдуетъ позволять молодымъ людямъ подводить къ престолу свою невѣсту, раньше чѣмъ они не выполнятъ свой долгъ солдата. Что касается производства въ офицеры, надо отказаться отъ старыхъ предразсудковъ; наша эпоха не дѣлается дворянскими грамотами и титулами. Какая сила скрыта въ народѣ, сколько неиспользованной энергіи! Сколько тысячъ человекъ скрываютъ въ своей груди пламя генія, ищущее выхода, «въ то время какъ королевство пропадаетъ отъ дряхлости и безчестія, можетъ быть въ жалкой деревнѣ какой-нибудь Цезарь пашетъ землю и Эпамиондъ съ трудомъ зарабатываетъ свой насущный хлѣбъ».

Наиболѣе извѣстные мемуары Гнейзенау этой эпохи появились въ Volksfreund подъ заглавіемъ Freiheit des Rückens. Въ нихъ Гнейзенау требовалъ отмены тѣлеснаго наказанія, которыхъ Штейнъ былъ сторонникомъ. Эти наказанія, пишетъ онъ, позорны; должны же мы, наконецъ, понимать, что носить оружіе высшая честь для каждаго гражданина, что эта честь не можетъ быть оказана слабымъ и преступникамъ, что отечеству должны служить члены семей пахарей и рабочихъ, а прогрессъ въ социальныхъ понятіяхъ долженъ сопровождаться прогрессомъ и въ воинскихъ взглядахъ. Не ударъ кнута долженъ двигать людей впередъ, а призывъ къ ихъ чести; французская революція много говоритъ о свободѣ, что же свобода налагаетъ обязанности и должна предшествовать введенію равенства въ военной службѣ, этого «позвоночнаго хребта свободы».

Что касается до наложенія наказанія на офицеровъ, требованія Гнейзенау также менѣе суровы. Передъ Іеной случилось, что старшій офицеръ приказывалъ непосредственно лейтенанту сѣсть подъ арестъ подъ охраной унтеръ-офицера и двухъ человекъ. Гнейзенау предлагаетъ, какъ простое наказаніе, запрещеніе отлучаться изъ комнаты, неудостоеніе производства и вызовъ передъ судомъ чести.

Въ маѣ 1808 г. Гнейзенау назначенъ членомъ Артилерійскаго и Инженернаго Комитета и инспекторомъ крѣпостей, въ сентябрѣ—начальникомъ инженернаго корпуса. Самолюбіе его было удовлетворено, авторитетъ увеличился. Въ этомъ 1808 г. онъ разработалъ въ своей головѣ проектъ освобожденія Пруссіи, убѣ-

дась, что Наполеонъ бьетъ Гогенцоллерновъ, такъ какъ знаетъ чего хочетъ.

Самъ пылкій и страстный, онъ вполнѣ понималъ какое сверхчеловѣческое самолюбіе пожираетъ императора. Записки, которыя онъ посылалъ королю въ 1808 г. были опубликованы Тимме въ 1901 г. въ *Historische Zeitschrift* (89—109 стр.). Для спасенія Пруссіи, онъ долженъ обратиться къ народу съ воззваніемъ, объявить конституцію, собрать національное собраніе; другія нѣмецкія государства, безъ сомнѣнія, послѣдуютъ этому прекрасному и либеральному примѣру Пруссіи; можно положиться на Австрію; ждать—это рискованно подвергнуться полному уничтоженію. Надо объявить войну, это дастъ Пруссіи случай снова укрѣпиться, вернуть уваженіе къ самой себѣ, утерянную моральную силу и, въ то же время, независимость. Что же касается трусовъ, которые могутъ найтись среди націи, то съ ними слѣдуетъ поступить какъ съ измѣнниками, руководясь принципомъ: «кто не за насъ, тотъ противъ насъ».

Когда Штейнъ, по приказанію Наполеона, долженъ былъ выйти въ отставку (ноябрь 1808 г.), Гнейзенау не потерялъ мужества. «Ваша участь, писалъ онъ Штейну 4-го января 1809 г., только соединитъ Васъ со всѣми благородными сердцами».

Послѣ изгнанія Штейна, Гнейзенау еще ревностнѣй занялся своими планами. Впрочемъ, уволенный министръ былъ замѣненъ Дона Альштейномъ и Веуте—людьми не враждебными Шарпгорсту.

В. Нейсаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

«В. Сб.» 4, 1916 г.

Очерки германскаго военнаго искусства.

(Изъ послѣдней германской справочной книжки по тактикѣ Лернета, переработанной Фридрихомъ Иммануэлемъ, вышедшей съ войной, лѣтомъ 1914 г. 38-мъ изданіемъ).

(Продолженіе). *

Внутри населенныхъ мѣстъ продѣлать (расчистить) путь для связи; раздѣлить всю площадь на боевые отдѣлы; избрать редюитные—опорные—пункты (церкви, фабрики, замки и т. п.).—Бой за окраину. Гдѣ ворвется внутрь противникъ—на него бросаютъ частные резервы. Бой на улицахъ (баррикады) и за каждое строеніе, пока противникъ не будетъ выброшенъ обратно изъ обороняемаго пункта.

б) Атака мѣстныхъ населенныхъ пунктовъ.—Достаточная, удовлетворительная, подготовка артиллеріи (обстрѣливаніе по площадямъ изъ легкихъ и тяжелыхъ гаубицъ). Послѣ занятія первой (окраинной) оборонительной линіи, стараться ворваться въ слѣ-

*) См. «Военный Сборникъ» № 3, 1916 г.